

территорией их проживания. И в этой ситуации трезвый, основанный на фактах голос ученого, прозвучал. Теперь важно, чтобы он был услышан.

А. Ч. Касаев

Примечания:

¹ История советского рабочего класса. Т. 5. М., 1988. С. 98.

² См., например: *Асхаков С. И.* Изменения в структуре рабочего класса в Северо-Кавказском регионе на этапе развитого социализма // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Сер. обществ. наук. Ростов н/Д, 1983. № 8; *Османов А. И.* Изменения в социальной структуре населения Дагестана на этапе развитого социализма // Вопр. истории. 1984. № 7; Проблемы перестройки: социальный аспект. М., 1989, и др.

³ *Карданов А. Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938—1980). Нальчик, 1984.

⁴ См., например, *Брусина О. И.* Многонациональные села Узбекистана и Казахстана осенью 1984 г. // Сов. этнография. 1990. № 3.

⁵ Статистические материалы об экономическом, социальном развитии союзных и автономных республик, автономных областей и округов. Госкомстат СССР. М., 1989. С. 19.

⁶ Центр. гос. архив народного хозяйства СССР. Ф. 430. Оп. 1. Ед. хр. 201, 355, 627, 763 и др.

⁷ Статистические материалы. С. 19—21.

⁸ *Козлов В. И.* Национальный вопрос: парадигмы, теория и политика // История СССР. 1990. № 1. С. 11.

© 1991 г., СЭ, № 5

Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881—1980 / Сост. Т. Г. Иванова. Под ред. А. А. Горелова и Н. П. Копаневой. Л., 1990. 500 с.

В библиографической серии «Русский фольклор», издаваемой совместно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР и Библиотекой АН СССР, вышел очередной том, вобравший печатную продукцию последнего двадцатилетия XIX в. Данный 7-й выпуск является своего рода юбилейным: его публикацией завершён показ разнообразной отечественной литературы на русском языке с 1881 по 1980 г., т. е. дано библиографическое освещение истории нашей фольклористики за 100 лет¹. Это уже второй том, изданный Т. Г. Ивановой в этой серии.

Книга открывается вступительной статьёй Т. Г. Ивановой «Литература по русскому фольклору за 1881—1900 гг.» (с. 9—24), в которой раскрываются исторические особенности эпохи, когда народ и его судьба превратились в одну из наиболее острых проблем российской интеллигенции. Автор характеризует учтенные материалы (справочник содержит 5134 номера), объясняет интенсивное накопление текстового богатства (47% объёма), однако почти лишенного «открытий» по сравнению с эпохой 50—60-х годов XIX в. Исключение составляют собрание устно-поэтических записей Смоленщины В. Н. Добровольского, «Сказки и предания Самарского края» Д. Н. Садовникова, сборник Вологодского фольклора Н. А. Иваницкого.

В обзоре рассмотрены основные организационные формы, в рамках которых развивалась русская фольклористика конца прошлого столетия: Императорская Академия наук и университеты с работавшими при них научными обществами; система научных обществ, не связанных с высшими учебными заведениями; губернские статистические комитеты, архивные комиссии и другие местные объединения; краеведческое народознание (особо отмечена роль политических ссыльных в изучении устной словесности сибиряков).

Теоретическое состояние фольклористики показано Т. Г. Ивановой в аспекте «научных направлений и жанровых пристрастий», прежде всего на примере анализа песенного эпоса во всем его многообразии, а затем и других фольклорных жанров, включая частушку, оформившуюся к концу XIX в. в новый самостоятельный поэтический вид и бытовавшую повсеместно.

Библиографический массив рецензируемого тома скомпонован в основном по схеме, сложившейся в предыдущих выпусках. Он делится на четыре крупные части с последующей рубрикацией по жанрово-тематическому принципу: тексты и материалы; исследования, статьи, заметки; учебная и методическая литература; библиографические обзоры, фольклор в лубочной литературе. Последний раздел присутствует в серии впервые. Подготовленная Н. И. Рудаковой на основании просмотра *de visu* фондов Сектора народного творчества Пушкинского Дома, генеральных каталогов Библио-

теки АН СССР и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, она знакомила читателя с особым пластом книгопроизводства, важного элемента культурной жизни русского деревенского населения и городских низов. Как правильно отмечает Т. Г. Иванова, не имеющий научной ценности как первоисточник, лубок во многом формировал устно-поэтический репертуар народа. Без его учета невозможно понять целый ряд явлений позднейших этапов жизни фольклорной традиции (с. 19).

Благодаря творческому подходу составительницы к внутренней классификации разделов в них появились новые параграфы, подсказанные материалом, а именно: обработки фольклорных сюжетов писателями; рецензии общего порядка на фольклорно-этнографические издания; фольклор в хрестоматиях; фольклор в музыкальном образовании учащихся.

Завершают пособие вспомогательные указатели: именной, географический и использованных источников (в последнем к традиционным рубрикам добавлен список энциклопедий и биографических словарей).

Т. Г. Иванова просмотрела огромное количество специальных сборников и монографий, а также трудов, лишь частично посвященных проблематике русской устной поэзии. К фольклору всегда обращались не только литературоведы и этнографы, но и лингвисты, историки, публицисты, музыковеды, археологи, юристы, медики, священнослужители, рассматривавшие творчество масс в связи со своими основными проблемами. Потому работы, казалось бы, далекие от народоведения, часто содержат ценные сведения для фольклористов.

В перечне привлеченных публикаций указано 91 продолжающееся издание: записки, чтения, известия научных обществ; труды ученых комиссий; губернские сборники, ежегодники, памятные книжки, адреса-календари и т. д. Составительницей извлечены сведения из 125 журналов, как профилирующих («Этнографическое обозрение», начавшее выходить в Москве в 1989 г., «Живая старина», выпускавшаяся в Петербурге с 1890 г., и возобновленные с 1896 г. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»), так и различных научных, художественных, профессиональных печатных органов столицы и провинции, например «Метеорологического вестника» (СПб.), «Посредника печатного дела» (СПб.), «Математического листка» (М.), «Дорожника Сибири и Азиатской России» (Томск), «Гимназии» (Ревель). Обследованы 123 газеты широкого распространения (губернские ведомости, городские вестники и листки) и малотиражные типа «Порядок» (СПб.), «Газета М. Гатцука» (М.) и др.

Высоко оценивая рецензируемый том библиографии, подготовленный тщательно и на современном уровне, необходимо высказать некоторые критические замечания по вопросам, поднятым в статье, расположению и композиции материала, предложить некоторые добавления.

Серьезное возражение вызывает излишняя категоричность основного вывода Т. Г. Ивановой о том, что «русская фольклористика последнего двадцатилетия XIX столетия представляла собой вполне сложившуюся научную дисциплину, выделившуюся среди других родственных ей областей знания» (с. 24).

Как известно, изучение устной поэзии в разные периоды оказывалось объединенным с целым рядом наук. Благодаря природе предмета своего исследования — памятников народной словесности, одновременно явления поэтического и социально-бытового, фольклористика черпала силы и больше всего была связана с этнографией и филологией, а подчас полностью отождествлялась с ними. До конца прошлого века она буквально заполняла этнографию. Не случайно «История русской этнографии» А. Н. Пыпина (ТТ. I—4. СПб., 1890—1892) является в действительности изложением фактов собирания и исследования народного поэтического творчества; только в связи с ними освещены и собственно этнографические работы.

Ученые и общественные деятели того времени чувствовали неразрывное единство этих дисциплин. Задачи, стоявшие перед фольклористикой, в значительной мере определялись этнографией и крупные собрания текстов издавались в серии «Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии»². Изучение устной словесности, главным образом в рамках этнографии, приводило к отрыву фольклора от его творца и носителя — народа. На первый план выдвигалась архаика фольклора, а потому симптоматичным является название журнала РГО «Живая старина». Этим же объясняется наличие в рецензируемом томе более 1200 описаний публикаций текстов заговоров, гаданий, примет, обрядовой поэзии.

Лишь с 80-х годов XIX в. встал вопрос о разделении этнографии на ряд обособленных субдисциплин. Как подчеркнул А. Н. Пыпин в докладе, прочитанном на заседании Отделения этнографии РГО, «прежняя тесная наука этнография, как описательное изображение народов в их

правах и обычаях, сменяется чрезвычайно сложным рядом изучений». Особо остановился академик на анализе развития «фольклоризма» (Вестник Европы. 1885, май. С. 178). Через несколько лет Д. Н. Анучин, бессменный председатель (с 1890 по 1923 г.) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете обосновал право этнографии на дифференциацию («Этнографическое обозрение. 1889. № 1. С. 28»). Редактор «Живой старины» В. И. Ламанский, обращаясь к читателям в первом номере журнала, отнес изучение фольклора к наиболее неопределенной и неясной проблеме современной этнографии (1890, № 1. С. XLI).

Вместе с тем по-прежнему сохранялись тесные связи фольклористики с филологией, обратившейся в конце прошлого столетия к рассмотрению исторического развития писательского творчества; народная поэзия считалась его предшественницей и постоянной спутницей. Параллельность в исследовании устной словесности присутствует в трудах самого А. Н. Пыпина: помимо «Истории русской этнографии» фольклору отведено значительное место в четырехтомной «Истории русской литературы» (СПб., 1898—1899). Такая двойственность наглядно проявилась и в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где в статьях ведущих специалистов подведены итоги отечественных достижений. В обширнейшем обзоре «Россия», занимавшем почти целиком тома XXVII^a и XXVIII (кн. 54 и 55. СПб., 1899) поэзия народа рассмотрена в главе «История русской литературы», а о ее собирании и изучении наряду с другими явлениями жизни крестьянства говорится в параграфе «Россия в этнографическом отношении». К сожалению, этот материал не привлек внимания составительницы и не нашел отражения в справочнике.

Приведенные факты свидетельствуют о развивавшемся, но далеко не завершенном процессе формирования нашей фольклористики на рубеже веков.

Думается, в статье следовало бы обобщенно сказать о состоянии исследовательской мысли рассматриваемого двадцатилетия. Т. Г. Иванова характеризует каждое направление в связи с изучением того или иного жанра устной поэзии. Разумеется, такой подход может быть оправдан в отношении эпоса, богатое и сложное содержание которого всегда вызывало особенный интерес представителей различных научных течений. Однако ни в одной другой области фольклористики противостояние этих течений не вырисовывалось с такой силой, как при анализе былин.

С 1870-х годов на смену почти полному господству мифологического направления начали приходить иные теории: антропологическая, или самозарождения сюжетов, повлиявшая на А. А. Потебню, Н. Ф. Сумцова, А. И. Кирпичникова, В. Ф. Миллера (в начальный период деятельности); миграционная (И. Н. Жданов); народно-психологическая, близкая к антропологической (Д. Н. Овсянко-Куликовский, Е. В. Аничков), сравнительно-исторический метод (А. Н. Веселовский). Особенно распространенной стала возникшая в результате стремления к социологическому изучению устной поэзии «историческая школа» — одна из наиболее влиятельных теорий конца XIX — начала XX в., чью платформу окончательно сформулировал В. Ф. Миллер в первом томе «Очерков истории русской народной словесности» (М., 1897).

Эти направления в большей или меньшей степени показаны Т. Г. Ивановой, однако она совершенно ничего не говорит о последователях К. Маркса и Ф. Энгельса. Конечно, большинство фольклористов, даже прогрессивных, были весьма далеки от марксизма, но не все.

Так, Н. И. Зибер в «Очерках первобытной экономической культуры» (М., 1883), исходя из известных положений «Капитала», дает материалистическое объяснение некоторых народных обычаев и нравов; М. М. Ковалевский, считая устное творчество источником для освещения самых отдаленных эпох в истории человечества, часто опирается на фольклор в «Очерках происхождения и развития семьи и собственности» (СПб., 1895); былинный материал широко привлечен им в книге «Первобытное право» (М., 1886). Надо отметить, что К. Маркс называл М. М. Ковалевского одним из своих «друзей по науке». Особо ошутим марксистский подход к изучению духовного мира народных масс в трудах Г. В. Плеханова. Мысли Плеханова по теории трудового происхождения искусства и о первобытных формах фольклора, о возникновении различных родов поэзии имеют большое значение для русской фольклористики, однако сведения о перечисленных работах остались за пределами справочника. Всесторонний интерес к быту трудящихся вообще проявляла вся российская марксистская периодическая печать — журналы «Жизнь», «Начало», газета «Рабочий» и др.³

Как бы ни относиться к этим начаткам марксистской мысли в фольклористике, они остаются фактом истории. Замалчивание их так же странно, как и непомерное преувеличение их значения, имевшее место в недалеком прошлом. Речь идет о библиографии, которая должна учитывать все, и достаточно беспристрастно.

Перечисляя организационные формы, в которых развивалась наука о народно-поэтическом творчестве, Т. Г. Иванова не сообщает о функционировании частного «Этнографического бюро», созданного в 1897 г. на средства князя В. Н. Тенишева, много сделавшего для сбора и публикации образцов устной словесности.

При показе занятий Песенной комиссии РГО, очевидно, можно было подробнее рассказать об изучении многоголосия крестьянских напевов, считавшихся ранее только одноголосными, и изменении техники записи песен с появлением фонографа (1897 г.). Принципы фонографических расшифровок и их нотации вызвали большие теоретические споры, углубившие понимание специфики народной музыки, что в свою очередь сказалось на форме публикации музыкальных записей.

Вероятно, заслуживает специального объяснения и увеличение в обозреваемый период количества материалов об исследователях и собирателях устной поэзии (свыше 600 номеров помимо отсылочных указаний), что связано с пробудившимся интересом к истории отечественной науки.

О данных по теме «Фольклор и литература» имело смысл сказать, объяснив позицию ученых конца прошлого века. Они сосредоточивались преимущественно на выяснении биографических фактов, приведших писателей к близкому знакомству с миром устного творчества, и установлении непосредственных фольклорных источников того или иного произведения. В рассматриваемый период еще не ставилась задача выявления внутренней связи профессионалов-литераторов и музыкантов с народной словесностью, что выходит далеко за пределы прямого использования сюжетов, образов, мотивов, языка и элементов стилистики. Более углубленно, чем в предшествующий период, шло в это время выявление влияния книг и рукописных памятников на фольклор, что впервые было замечено А. Н. Пыпиным в 1860-х годах и успешно разрабатывалось им позже⁴. Взаимосвязь эпоса с древнерусской литературой показана И. Н. Ждановым в монографии «Русский былевой эпос» (СПб., 1893) и В. Ф. Миллером в I-м томе «Очерков русской народной словесности».

Возможно, стоило прокомментировать в статье появление на данном этапе большого количества учебных пособий, содержащих главы об устном творчестве. Это было вызвано усилившимся поворотом к фольклору со стороны профессуры, чему способствовала рецензия Н. С. Тихонравова (1878 г.) на «Историю русской литературы» А. Д. Галахова. В ней высказывалась необходимость обстоятельного разбора устной поэзии в университетских курсах. Одновременно фольклорные проблемы стали чаще выдвигаться как темы для дипломных сочинений или конкурсного соискания наград. Из студенческих разысканий нередко вырастали серьезные научные труды, попадавшие в печать, например, «Русский богатырский эпос» А. И. Лободы (Киев, 1896).

Специальной оценки требуют библиографические разработки последнего двадцатилетия XIX в., так как с изменением самой науки — стремлением ее к разграничению — изменились и задачи источниковедения. Пионером этнографического отраслевого учета печатной продукции явился В. И. Межов. Вслед за ним и по его примеру многие библиографы стали готовить рекомендательные пособия и указатели большого масштаба, включающие сведения о народной поэзии, годовые подборки (так, П. В. Владимиров напечатал в «Известиях Киевского университета» «Критико-библиографические заметки об изданиях и исследованиях по русской словесности за 1892 г.», не отмеченные Т. Г. Ивановой).

Если все высказанные до сих пор замечания могут восприниматься как пожелания дальнейшего изучения истории науки последних десятилетий XIX в., то самое решительное несогласие вызывает алфавитное расположение материала в каждом разделе тома. По мнению составительницы, оно «должно облегчить поиск необходимого источника» (с. 7). Во всех предыдущих выпусках использован хронологический принцип. При наличии указателя имен алфавитное расположение материала теряет смысл. Между тем, еще А. Н. Пыпин, рецензируя «Сибирскую библиографию» В. И. Межова, подчеркивал, что лишь при погодичном расположении «библиографические показания получили бы новый и немаловажный интерес, а именно, перед читателем проходили бы не только литературные факты по тому или другому предмету, но и в то же время наглядно представлялась бы и самая история вопроса» (Вестник Европы. 1891, ноябрь. С. 482). Библиография, призванная быть наиболее беспристрастной и объективной, должна не только заключать в себе сумму всех оценок и воззрений, но непосредственно отражать каждую фазу движущегося научного процесса, т. е. развитие самой отрасли знания. Нам представляется, что жанрово-тематическая группировка описаний только в сочетании с хронологией дает возможность одновременного исторического, проблемного и персонального справочного поиска.

Композиция книги, как было отмечено, дополнена новыми рубриками, но, с другой стороны, выпали некоторые старые: взаимосвязь мифологии, верований, примет и суеверий разных народов

(ее можно было наполнить №№ 1520, 1524, 1525, 1622 и др.), «Произведения поэтов в песенном репертуаре народа», хотя такие данные имеются в разделе «Фольклор и русская литература XIX в.». Кроме того, с помощью перекрестных отсылок «заиграли» бы и сведения о стихотворениях, превратившихся в популярные песни и попавших в лубок.

В скрупулезно составленном вспомогательном указателе произошел сдвиг на один номер при перечислении имен из раздела «Лубочные картинки. Песни»; иногда наблюдается неточность в показе работ самого ученого и критических материалов о нем (№ 1059, 3136); на с. 487 не приведены даты выхода в свет «Отчетов о присуждении наград гр. Уварова».

Ни одно справочное пособие большего объема не обходится без лакун. Имеются они и у Т. Г. Ивановой. Раздел «Персоналии» можно пополнить следующими публикациями: Н. Б. «К библиографии сочинений О. Ф. Миллера» (Библиограф. 1889. № 89); Рудаков В. Е. «Хронологический указатель литературных трудов Л. Н. Майкова» (Журн. М-ва нар. просвещения. Окт. 1900. Отд. совр. летописи); Симони П. К. «Библиографический список ученых и литературных трудов и изданий Л. Н. Майкова (1839—1900).» (СПб., 1900).

В главе «Фольклор и литература» отсутствуют: Барсов Н. П. «Очерки русской исторической географии. География начальной (нестеровской) летописи» (Изд. 2-е. Варшава, 1885); Висковатов П. И. «Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова» (Кавказ. 1881. 16 сент. № 203); «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина. Хронол. сб. критико-библиогр. статей» (Ч. I. Сост. В. А. Зелинский. М., 1887); Языков Д. Д. «П. П. Ершов» (М., 1894); Андреевич (без иниц.). Рецензия на кн.: «Коринфский А. А. Бывальщины и картины Поволжья. СПб., 1899» (Жизнь. 1899. Т. VIII); Грибовский В. «Идеализация и поэтическое творчество (по поводу „Бывальщины“ и „Гимна красоте“ А. А. Коринфского).» (Книжки недели. 1899. № 8.)

Из перечня и источниковедческих сводок выпала подборка П. К. Симони «Русский язык в его наречиях и говорах. Опыт библиографического указателя... с присоединением указаний на исследование, издания и сборники памятников народного творчества» (Изв. ОРЯС. Т. 1. Кн. 1 и 2. СПб., 1899). Не учтены некоторые обзоры текущей прессы, публиковавшей на своих страницах фольклорные материалы: «Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842—1881 г.» (Сост. Д. Д. Смышляев. Пермь, 1882); Указатель статей, напечатанных в «Филологических записках» за весь 25-летний период этого издания (Воронеж, 1888); «Указатель к периодическим изданиям Российской Академии и Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» (Сост. А. А. Дьяков. СПб., 1890); Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Журнала Министерства народного просвещения» за время с 1867 г. по 1891 г. (Сост. А. И. Ляшенко. СПб., 1894); Указатель к I—XX выпускам «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа». 1881—1894 (Сост. Е. Козубский. Тифлис, 1895); Указатель к «Этнографическому обозрению». Кн. I—XV (1889—1892). (Сост. Г. И. Куликовский. М., 1893); то же. Кн. XVI—XXXI (1893—1896). (М., 1898). Он содержит алфавитный перечень имен авторов и предметов, где при каждом отсылочном номере имеется краткая аннотация статьи или характеристика жанра (персонажа) устной поэзии.

Перечисленные замечания ни в коей мере не снижают большой ценности рецензируемой книги, как и вообще всей деятельности Т. Г. Ивановой — библиографа, трудами которой продолжается библиографическая серия «Русский фольклор». Если эта работа будет продолжена, фольклористика окажется в числе наук с наилучшим библиографическим обеспечением.

М. Я. Мельц

Примечания

¹ Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1901—1916 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1981; то же. 1917—1944. Л., 1966; то же. 1945—1959. Л., 1961; то же. 1960—1965. Л., 1967; то же. 1966—1975. Ч. 1—2. Л., 1884—1985; то же. 1976—1980 / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1987.

² Например, А. В. Марков в рецензии на сборник М. Е. Соколова «Великорусские свадебные песни и причитания, записанные в Саратовской губернии» (Саратов, 1898), отнес все издания произведений устной поэзии к этнографической литературе (Этногр. обозрение. 1899. № 1—2. С. 359); В. Н. Перетц, разбирая «Песни русского народа» Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша (СПб., 1894), отметил, что «изо всех областей этнографии наибольшее внимание обращает на себя народная песня» (Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1894, ноябрь. С. 201).

³ Подробнее см.: Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. М.; Л., 1961; *его же*. Проблемы этнографии в «Научном обозрении» 1894—1903 г. (К истории форми-

рования марксизма в России) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 4. М., 1965; Пузанова Т. Н. Проблемы фольклора в марксистской печати в конце XIX и начале XX в. // Уч. зап. Перм. и Оренбург. гос. пед. ин-тов. Вып. 42. Пермь, 1972.

⁴ Пузанова Т. Н. Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора в журнальных статьях А. Н. Пыпина в 90-х — начале 900-х гг. (по материалам «Вестника Европы») // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества. Вып. 5. М., 1978.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

© 1991 г., СЭ, № 5

ИССЛЕДОВАНИЕ БРАЧНЫХ ОБЫЧАЕВ У НАРОДОВ ЕВРОПЫ *

Одно из важнейших направлений фундаментальных этнографических и социоэтнографических исследований советских ученых в последние десятилетия — изучение различных аспектов развития семьи, форм брака, семейной обрядности у народов СССР, а также у народов мира. Актуальность данной проблематики вряд ли надо доказывать. Особый приоритет в разработке этого направления принадлежит этнографам, изучающим народы зарубежной Европы¹.

Это подтверждает и выход трех коллективных работ, названия которых вынесены в заглавие данной рецензии. Эти книги, составляющие своеобразный триптих, объединены единым планом отдельных глав, единым «Введением» (Ю. В. Иванова, Н. А. Красновская — «Брак...». 1988. С. 3—7) и заключительной главой «Некоторые итоги изучения брака и свадебной обрядности у народов зарубежной Европы» (Ю. В. Иванова, Н. А. Красновская — «Брак...». 1990. С. 156—169). Это фундаментальное исследование не имеет аналогов в советской и мировой этнографической науке. Широта географического и этнографического охвата, многообразие проблем, богатство и разнообразие систематизированных данных, представленных в рецензируемом коллективном труде, определили необходимость разделения материала на три книги. Выделение трех регионов — Центральной и Юго-Восточной Европы, Западной и Южной Европы, Северной и Северо-Западной Европы — представляется обоснованным и исторически, и этнографически.

Все три книги подготовлены в основном коллективом Отдела этнографии народов зарубежной Европы Института этнологии и антропологии АН СССР. В составе авторского коллектива и болгарская исследовательница Р. Иванова (глава «Болгары»).

В создании подобных сериалов коллектив ученых, исследующих этнографию народов зарубежной Европы, имеет богатые традиции. Достаточно вспомнить издания, посвященные календарным обычаям и обрядам². Традиции эти были заложены и осуществлены под руководством выдающегося советского этнографа С. А. Токарева, многие десятилетия возглавлявшего Отдел этнографии народов зарубежной Европы. Влияние подобных многотомных серий, заложенных в них идей и методики исследования на развитие советской этнографической науки огромно. Как известно, цикл книг по календарной обрядности народов зарубежной Европы вызвал к жизни появление работ о календарных обычаях и обрядах народов зарубежной Азии³. Причем первая книга «азиатского» сериала — «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год» (М., 1985) посвящена авторами памяти С. А. Токарева.

Свадебная обрядность европейских народов давно привлекает внимание исследователей. Необходимо отметить работы таких ученых, как Ида фон Дюрингсфельд и Отто фон Райнсберг-Дюрингсфельд (1871), Е. Н. Водовозовой (1893), А. ван Геннепа (1909, 1937, 1943, 1946), Л. Нидерле (1911), Яна Коморовского (1976), которые в своих трудах стремились проанализировать свадебную обрядность некоторых народов Европы.

В основе рецензируемого исследования — страноведческий принцип в сочетании с этническим.

* Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. 235 с.; Брак у народов Западной и Южной Европы. М., 1989. 243 с.; Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990, 173 с./Отв. редакторы: Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская.